

сестры
по благоразумию

Bookmark

Bookmark

гейл форман

сестры
по благоразумию

Москва
2017

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ф79

Gayle Forman
SISTERS IN SANITY
Copyright © 2007 by Gayle Forman

Перевод с английского *Алексея Андреева*
Художественное оформление *Петра Петрова*

Форман, Гейл.
Ф79 Сестры по благоразумию : [роман] / Гейл Форман ; [пер. с англ. А. Андреева]. — Москва : Издательство «Э», 2017. — 320 с. — (Мировой бестселлер).

ISBN 978-5-699-97300-2

«Сестры по благоразумию» — удивительно откровенный и одновременно жесткий роман, который напомнит вам «Прерванную жизнь» Сюзанны Кейсер. И это первая книга, которую написала Гейл Форман, автор мирового бестселлера «Если я останусь».

Шестнадцатилетняя Брит оказывается в интернате для трудных подростков. Она не верит, что ее отец мог пойти на столь жуткий шаг — упечь единственную дочь в подобную дыру. Брит и так тяжело: мама исчезла, с мачехой отношения не сложились, в школе все идет кувырком. А тут еще интернат... Ей надо срочно выбираться! Помочь ей могут другие подростки — такие же одинокие девочки, с которыми можно не стыдиться себя и говорить о том, что по-настоящему волнует. Удастся ли Брит не только осуществить задуманное, но и сохранить дружбу?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Алексей Андреев, перевод на русский язык, 2017
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Э», 2017

ISBN 978-5-699-97300-2

Глава первая

*П*о идее это должна была быть поездка на Гранд-Каньон, и в эту поездку у меня не имелось никакого желания ехать. Наступила середина лета, и жара стояла испепеляющая. В пустыне зной был такой, что я бы его точно не пережила, в особенности если бы два дня провела в машине с отцом и мачехой. Мачеха постоянно чем-то недовольна. Ее не устраивает моя прическа и то, что у меня крашенные волосы. Они розовые с черными прядями или черные с розовыми прядями, назовите их так, как вам больше нравится. Еще мачехе не по душе мои татуировки: кельтский узор вокруг запястья, веночек ромашек вокруг лодыжки и сердце там, где она его точно не увидит. Мачеха говорит, что я плохо влияю на моего единокровного брата Билли, который, елки-палки, еще маленький ребенок и, даже если и за-

мечает мои татуировки, то думает, будто это рисунки из комикса. Были длинные выходные на День труда¹, последние дни свободы перед началом нового учебного года. Перспективы моего предпоследнего года обучения в школе, кажется, выглядели вполне радужными. Я играла в рок-группе под названием Clod, и мы должны были выступать на фестивале инди-групп «Бабье лето» или на вечеринке альтернативной музыки в «Олимпии» вместе с другими серьезными и известными артистами, у которых имелись контракты на звукозапись с приличными лейблами. Это было большим успехом для нашей группы, которая до этого выступала только на частных вечеринках и в кафе. Но, понятное дело, маме этого не понять. Она уверена, что я играю в панк-группе сатанистов, и поэтому после рождения моего брата Билли запретила нам проводить репетиции в подвале нашего дома, чтобы мы, не дай бог, не сбили младенца с пути истинного. Теперь мы репетируем в подвале дома, в котором живет Джед, что

¹ Как и многие другие праздники, этот день в США отмечается в «привязке» к выходным, в данном случае к первому понедельнику сентября. — *Здесь и далее прим. пер.*

Сестры по благоразумию

мачеха, конечно, тоже не одобряет, ибо — представьте себе, какой ужас! — Джеду уже девятнадцать и он живет не с родителями, а с какими-то непонятными людьми.

Поэтому я вежливо отказалась от поездки на Гранд-Каньон. Ну, может, не так уж и вежливо, потому что точная формулировка моего отказа была довольно категоричной: «Я скорее стекло буду есть, чем с вами поеду!» Услышав мой ответ, мачеха бросилась к отцу, который усталым тоном спросил, почему я так грублю. Я рассказала о намечавшемся концерте. Раньше отец очень любил музыку, но это было давно. Он снял очки, потер переносицу и заявил, что вопрос поездки не обсуждается. Мы, мол, поедем всей семьей. Но я не собиралась сдаваться. Я закатила им по полной программе — рыдала, молчала как рыба и перебила массу тарелок. Ничего не помогало. Мачеха наотрез отказалась идти на уступки. Получалось, что я против не только нее, но и отца, а с ним мне всегда было сложно спорить, поэтому я в конце концов сдалась.

Я рассказала о «семейных» планах музыкантам моей группы. Наш вечно укуренный барабанщик Эрик сказал: «Ну, блин, облом!» Денис и Джек очень расстроились.

— Мы так долго вкалывали, чтобы этого добиться, — грустно произнес Джед. — И ты так много работала!

Он был совершенно прав. Три года до этого я не была в состоянии отличить ноту си от ноты фа, а сейчас нас позвали играть на мощном концерте с серьезными и уважаемыми исполнителями. Получалось, нашей группе придется выступать на фестивале «Бабье лето» в составе трех человек. У меня чуть депрессия не началась от того, что не удастся выступить со всеми, хотя мне немного льстило то, каким Джед стал грустным, когда понял: меня с ним на сцене не будет.

Я должна была почувствовать, что что-то не так, когда утром в пятницу около трэш-мобиля — микроавтобуса омерзительного коричневого цвета, который купили по настоянию мачехи после рождения Билли, увидела только отца. Ни мачехи, ни Билли не было рядом.

— Бог ты мой, всегда она опаздывает! Разве ей не известно, что пунктуальность — это одна из форм самоконтроля? — спросила я.

— Спасибо за бесплатную сессию психоанализа, Брит, но твоя мать с нами не поедет.

Сестры по благоразумию

— Она не моя мать, и ты об этом прекрасно знаешь! Ты же говорил, у нас семейное путешествие, и именно поэтому я должна ехать. Из-за этого я пропускаю важный концерт. Если она не едет, то я тоже остаюсь.

— Это семейное путешествие, — ответил отец и положил чемодан в багажник, — но два дня в машине Билли не выдержит. Они летят на самолете, и мы встретимся с ними на Гранд-Каньоне.

Я точно должна была заподозрить, что что-то не так, когда отец предложил остановиться в Лас-Вегасе. Если бы мама была жива, мы бы обязательно поехали в Вегас, а потом добрались и до Сан-Франциско. Помню, как однажды, когда стояла такая несусветная жара, что невозможно было спать, мы забросили в багажник спальники и поехали в горы. Но это случилось давно, время ушло навсегда, и с тех пор папа сильно изменился. Мачехе удалось убедить его в том, что спонтанность — это форма безответственности.

Папа купил мне обед в ресторане с видом на искусственные каналы Белладжио и даже пошутил по поводу внешнего вида некоторых туристов. Потом мы пошли в казино в центре города. Папа

сказал, что никто не заподозрит, что мне всего шестнадцать, и дал двадцать долларов для того, чтобы я поиграла в автоматы. «Что ж, — подумала я, — может, все это путешествие окажется не таким страшным, как я предполагала». Но потом, играя в автоматы, я покосилась на стоящего в сторонке отца и поразились тому, какой грустный и безучастный был у него вид. Казалось, кто-то пылесосом высосал из него душу. Папа даже несколько не обрадовался тому, что я выиграла тридцать пять долларов, которые он сразу забрал, сказав, что сохранит их и отдаст потом. Это было еще одним плохим сигналом, на который я тогда, увы, не обратила внимания. Я потеряла бдительность и решила, будто мы с отцом наконец-то снова весело проводим время, чего, кстати, давненько с нами не случилось.

После того как мы выехали из Вегаса, папа сильно помрачнел. Я почему-то подумала: «Таким мрачным он был, когда дела мамы стали совсем плохи». Я видела жуткое: он так сильно вцепился в руль, что костяшки рук побелели. Я начала думать о том, в чем причина такого странного поведения, отвлеклась и даже не обратила внимания на то, что мы едем

не на восток в сторону Каньона, а повернули на север в Юту. Мимо окна автомобиля проплывали красные горы и скалы самых замысловатых форм, и мне казалось, будто, судя по рельефу, мы приближаемся к Гранд-Каньону. Когда на закате солнца мы остановились в небольшом городке, я подумала: «Заночевать придется в каком-нибудь дешевом мотеле». Собственно говоря, здание академии Ред-Рок можно было принять за дешевый мотель без вывески. Это было Т-образное двухэтажное заведение с оштукатуренными стенами. Правда, Ред-Рок оказался огорожен забором из сетки с колючей проволокой, перед зданием не было бассейна, и вместо деревьев на утоптанной площадке лежала груда шлакоблоков. По территории перед зданием бродили два мускулистых, как гориллы, охранника, похожих на неандертальцев.

— Куда мы приехали? — спросила я настороженным тоном.

— Это школа, которую я хотел тебе показать.

— Типа колледж? А не рано ли мы о колледже задумались? Мне еще два года учиться...

— Ну, это не совсем колледж, скорее интернат.

— Для кого?

— Для тебя.

— Ты решил отправить меня в интернат?!

— Никто никуда тебя не собирается отправлять. Мы просто посмотрим на это место.

— А какой смысл? Я на следующей неделе начинаю занятия в школе. В той, в которую я хожу дома.

— В этом-то и смысл, дорогая. Ты последнее время не очень хорошо учишься.

— Перестань! У меня пара троек, ну и что из этого? Это ж не конец света.

Папа потер виски кончиками пальцев.

— Проблема не в том, что у тебя пара троек... Брит, мне сложно, и я не могу избавиться от мысли, словно ты уже не член нашей семьи. Ты очень сильно изменилась и перестала быть на себя похожа. Я хочу, чтобы этим вопросом занялись специалисты... — проямлил папа и замолк.

— Ничего себе! Так ты хочешь, чтобы я ходила в эту «школу»? Прямо так, резко?

— Мы только посмотрим, что это за место, — повторил отец.

Папа никогда не умел врать. Его руки дрожали, а щеки покраснели. Волосы на

руках встали дыбом. Я поняла: он недоговаривает и рассказывает мне сказку про царя-колбаску и что-то совсем не так, как оно есть на самом деле.

— Черт возьми, пап, что происходит?! — закричала я и открыла дверцу машины. Сердце забилося нереально быстро, казалось, сейчас оно вылетит из груди. Двое неандертальцев быстро подбежали ко мне, заломили назад руки и потащили в сторону от машины.

— Папа, что происходит?! Что они делают?!

— Пожалуйста, полегче, полегче с ней, — умоляющим тоном бормотал отец двум качкам. Потом он посмотрел на меня: — Дорогая, все это для твоего блага.

— Папа, да что они себе позволяют?! — визжала я. — Куда они меня тащат?

— Все это для твоего блага, дорогая, — повторил отец, и по тону голоса я поняла: он плачет. Что, в общем-то, испугало еще сильнее.

Меня затолкали в небольшую душную комнату и заперли за мной дверь. Икая и плача, я ждала, когда отец поймет, что совершил большую ошибку, и заберет меня отсюда. Но этого не произошло. Папа эмоционально поговорил в кори-

Тейл Форман

доре с какой-то женщиной. Потом я услышала, как завели машину, а затем звук мотора стал удаляться и вскоре совсем исчез. Я снова начала кричать и плакать. Слезы смешались с соплями и слюнями. Несмотря на то что я громко рыдала, никто за мной не приходил. Я плакала до тех пор, пока не заснула. Когда, наверное, через час проснулась, то начисто забыла, где я. А потом вздрогнула от испуга и четко поняла, почему меня здесь заперли. Из-за мачехи. Это ее рук дело. Я так люто ее возненавидела, что чувства страха и грусти отошли на второй план. И только после этого я ощутила глубокое разочарование. Потому что, несмотря ни на что, я очень сильно хотела попасть на этот чертов Гранд-Каньон.

Глава вторая

— *О*ппозиционно-вызывающее расстройство (ОВР).

В Ред-Роке был свой психоаналитик, который и утверждал, что у меня ОВР. Мы сидели в ее темном офисе, стены которого украшали идиотские плакаты, судя по всему, способные кого-то и как-то мотивировать. На одном из них был изображен косяк летящих гусей и красовался слоган: «Когда у тебя готов план, ты далеко пойдешь». Это был очень странный плакат. Учитывая то, что у меня отобрали одежду и обувь, я точно никуда не уйду и не убегу. Я сидела в пижаме и тапках. Причем происходило все это днем.

Женщина-психоаналитик читала что-то занудное и заунывное из большой книги, в которой, судя по всему, хранились все секреты человеческого ума.